

В гостях у муз

Возможности театра кукол очень велики. Это еще раз блистательно подтвердилось на последнем фестивале театров кукол, проходившем в Оренбурге. Спектакли для взрослых составили чуть ли не половину фестивальной программы. Среди них — «Мертвые души» Гоголя и «Дом, который построил Свифт» Г. Горина. Диапазон — от классики до современной драматургии. Прошли в фестивальные дни и спектакли для детей, традиционного кукольного зрителя. Эти постановки были так живыми, радостными и красивыми, фантазия их создателей казалась столь неисчерпаемой, что детские спектакли с удовольствием смотрели взрослые.

Возможности театра кукол велики не только в широте охвата зрителей или формировании репертуара, но и в выразительных средствах. Этот театр раскован, смел в поиске и эксперименте. Спектакли фестивалю — тому доказательство.

Возвратившись из Оренбурга, где довелось увидеть более двадцати постановок разных театров, невольно начинаешь задумываться: а как у нас?

Общепризнанным стал парадокс: удачным кукольным спектакль становится чаще всего тогда, когда и постановщик берет «чужую» пьесу. Почему-то те, что написаны специально для театра кукол, от его сегодняшнего уровня отстают. Новосибирский театр последователен в своем обращении к «апробированным» авторам. Конечно, театр вправе выбрать, какой драматический материал станет основой его спектаклей. Но все-таки за последние десятилетия сказок со стандартными наборами героев, со сходными незамысловатыми сюжетами не может не нарастать. Мудрено ли в работе с таким материалом возникнуть штампу? Постановочному, актерскому...

В пьесе И. и Я. Златопольских «Под парусом ша «Подсолнух» действует фантастическое существо по имени Угрумум. Он сквалыга, жадина и накопитель. Получилось так, что этот отрицательный герой вышел более интересным и живым, чем прочие, положительные. Произошло это во многом оттого, что кукла Угрумум — единственная в спектакле, наделенная художником А. Корытиным разнообразными пластическими возможностями. Это-то и дало толчок фантазии режиссера А. Панина и актера Н. Ботина. В отличие от банальной Утки и вечно хандрящей Улитки, Угрумум поглощен своей страстью (хоть и порочной) и полон энергии. Он самый

обаятельный! Вряд ли такой акцент входил в планы постановщиков, но в спектакле это так.

Недоуменные вопросы возникают и при просмотре спектакля «Носорог и Жирафа», поставленном режиссером Н. Леонтьевой по сказке Г. Хорста.

...Внешне очень непохожие, они отличаются друг от друга, как горизонтальная линия от вертикальной. Тем

ными огрехами, когда бы не были они так закономерны, не складывались в систему небрежного, как будто наспех сделанного спектакля.

Было бы несправедливо считать, что театр совсем не занят поисками нового языка, не делает попыток расстаться с традиционным для него набором приемов. «Ястребок» от прочих, друг на друга очень похожих, спектаклей отличается. Эту пре-

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПЕРЕД НАЧАЛОМ ТЕАТРАЛЬНОГО СЕЗОНА

Взрослые игры с куклами

С чем вступает в новый сезон Новосибирский театр кукол?

не менее Носорог и Жирафа пытаются друг к другу нежные чувства. Злая Обезьяна добивается того, что наши герои начинают сомневаться, мыслимы ли они один подле другого. Что станет определяющим: внешнее несходство или внутреннее родство, — это движется действие пьесы, на этом строится ее конфликт.

Чтобы конфликт стал в спектакле ясным, он должен быть выявлен сценически. То обстоятельство, что Носорог и Жирафа разные, вызывает у Обезьяны приступы неудержимого смеха. Зрителю приходится верить ей, а не собственным глазам. Потому что глаза видят двух одностипных уродцев, очень отдаленно напоминающих тех животных, имена которых они носят. В спектакле Носорог — существо прямодышнее и человекообразное. Счастливые преобразования в его анатомии, за которые этот персонаж должен быть благодарен художнику С. Ивановичу, позволили ему вполне успешно задрать вверх голову, чтобы видеть Жирафу и разговаривать с ней. Текст пьесы утверждает, что такие вещи ему не вполне удавались. Зрительно Жирафа являет собой такую же вертикаль, только чуть повыше. Из-за чего развернулась целая история, непонятно. Может, Обезьяна плохо разглядела тех, кого потом измучила насмешками?

Хватает художественного рода недоразумений и в «Воробейшке», спектакле, поставленном А. Паниным и оформленном художником А. Корытиным (пьесу по сказке М. Горького написал В. Былков). Недоразумения эти можно было бы считать пусть досадными, но не важ-

ными театр посвятил 40-летию Победы. Нельзя не уважать попытку освоения столь серьезной темы. Нельзя не отметить желания решать сложные художественные задачи. Но...

Пьеса состоит из отдельных сцен, формально объединенных участием в них главного героя. Эпизоды разнятся стилистически настолько, что их соседство вызывает порой нежелательный комический эффект. Обилие персонажей, калейдоскоп эпизодов, куклы разных систем, актеры, играющие в живом плане, — чего только нет в этом спектакле! Все это было бы хорошо, если бы применение выразительных средств, а их целый арсенал, в каждом отдельном случае было бы мотивировано, а не носило бы случайный, произвольный характер.

Кроме того, адресованный детям начальных классов, спектакль особенностей детской психики не учитывает. Иначе он не был бы столь усыпляюще монотонным и не шел бы от начала до конца в мягком полумраке. Да и того напряжения, которого, видимо, хотели добиться постановщики, сумрак на сцене не вызывает. Чтобы оно возникло, нужна продуманная партитура ритмов, световая в том числе.

На днях театр открывает новый сезон. Каким он будет — решать коллективу кукольников. Ясно одно: постановочную культуру надо повысить. Добиться этого можно, только избавившись от штампа — режиссерского, актерского, сцениграфического.

Л. ПАЛЬВЕЛОВА.